

**ОЦЕНКА АНТИРЕЛИГИОЗНОЙ РАБОТЫ В БССР
ПАРТИЙНЫМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СТРУКТУРАМИ
В 1930-е гг.
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ)**

И. И. Янушевич

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

E-mail: ivan-jan@yandex.ru

В статье проводится анализ неблагоприятных для организации антирелигиозной пропагандистской работы факторов. Установлено, что в рассматриваемый период отсутствовала единая точка зрения по вопросу проведения атеистического воспитания среди населения. Жесткие административные меры по отношению к религиозным организациям и группам верующих доминировали над информационно-пропагандистскими. Охарактеризованы организационный потенциал Союза воинствующих безбожников и процесс приведения антирелигиозной деятельности партийно-государственных структур в соответствии задачами социально-экономического развития страны в условиях построения социалистического общества в отдельно взятой стране мира.

Ключевые слова: Союз воинствующих безбожников, Православная церковь, антирелигиозная пропаганда.

**EVALUATION OF ANTI-RELIGIOUS WORK
IN THE BYELORUSSIAN SSR BY THE PARTY AND STATE
STRUCTURES IN THE 1930s (ON THE MATERIALS
OF ARCHIVAL DOCUMENTS)**

I. I. Yanushevich

Belarusian State University

Minsk, the Republic of Belarus

The article analyzes the unfavorable factors for the organization of anti-religious propaganda work. It is established that in the period under review there was no single point of view on the issue of atheistic education among the population. Strict administrative measures against religious organizations and groups of believers dominated over propaganda. The organizational potential of the Union of militant atheists and the process of bringing the anti-religious activities of the party and state structures in accordance with the tasks of socio-economic development of the country in the conditions of building a socialist society in a single country are characterized.

Keywords: Union of militant atheists, Orthodox Church, antireligious propaganda.

Лидеры партии большевиков, провозглашая в своих программных документах борьбу с религией и церковью до полного их уничтожения одним из приоритетов в деле построения «нового мира», основывались на своих теоретических выкладках и ожиданиях не учли не только реальное значение религии в жизни общества, но и такие же теоретические указания предшественников с материалистическими выкладками. Взяв власть в свои руки параллельно с формированием государственных институтов предстояло формировать и новое «советское общество», «советского человека» с атеистическим мировоззрением. И

если формирование государственной политической системы, экономической модели в 1930-е гг. в целом завершилось, то в церковном вопросе наблюдалось разностороннее движение и отсутствие консенсуса. Наиболее красноречиво об этом говорится в документах партийных и государственных органов, осуществлявших контроль за антирелигиозной деятельностью в республике.

В 1920-е гг. основным исполнителем антирелигиозной работы был определен коммунистический союз молодежи (КСМ). К середине десятилетия комсомол полностью показал свою несостоятельность в решении подобной задачи главным образом в силу ее нереальности. Это были завышенные ожидания от безбожного запала молодежи. Нужен был единый фронт по борьбе с религией и церковью. Им стал Союз воинствующих безбожников (СВБ). Созданный в середине 1920-х гг. как общественная организация союз должен был объединить вокруг себя все антирелигиозные силы страны и стать под руководством партии координационным центром распространения атеизма. Однако жесткое принудительное членство, полнейший формализм и ни чем не подкрепленные прожекты руководства СВБ при ослаблении административного давления привели к практическому развалу организации к середине 1930-х гг. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б «Аб рабоце Саюза Ваяўнічых бязбожнікаў» от 3 апреля 1937 г. отмечалось: «Центральны совет (ЦС) СВБ не з'яўляецца сапраўдным цэнтрам кіраўніцтва антырэлігійнай работы» [1, л. 92]. Как таковым центром он и не мог стать в сложившихся условиях: «Центральны совет СВБ Белоруссии избирался в 1929 г. и кооптированный в 1930-31 гг. на пленумах был в составе 37 чел. Выведено из состава пленума 26 чел., из них исключены из партии 16 чел., в том числе, прямых врагов народа, шпионов во главе с председателем шпионом Левковым. Из оставшихся 11 человек активное участие принимают 2–3 человека. Платный аппарат ЦО ОВБ состоит из ответственного секретаря т. Шошина и одного инструктора. В течении 8 лет Центральный совет СВБ не отчитывался перед избирателями и никем не контролировалась его работа. По Белоруссии организация СВБ составляет 30–35 тыс. членов, но какого точного учета ни кем не ведется. В 83 районах созданы в 1937 г. оргбюро, причем только в 10 районах избраны на районных конференциях райсоветы СВБ. Всякая массовость в работе, начиная от центрального совета и кончая ячейкой СВБ, отсутствует. Враг народа Левков, стоя у руководства СВБ сознательно развалил работу организации. И если по линии некоторых партийных организаций кое что начало делаться в развертывании антирелигиозной пропаганды, то со стороны ЦС СВБ и до последнего времени никакой работы нет» [2, л. 35–36]. Следует отметить, что на начало десятилетия членов организации насчитывали ответственные работники раз 7–8 раз больше. Подтверждение информации о состоянии дел находим и у стороннего проверяющего. 19 августа 1937 г. сотрудником ЦС СВБ СССР А. Березкиным была проинспектирована Витебская область. В докладной записке он дал характеристику ситуации в республике: «В Белоруссии, где в состав ЦС СВБ было введено ряд ныне разоблаченных лиц, как шпионов, диверсантов и авантюристов, организация СВБ находится в состоянии полного развала. В составе пленума находились враги народа: Шукевич, Щуцкий, Капаевич, Успенский и др. Во главе президиума ЦС СВБ Беларусии был Левков, так же ныне разоблаченный, как враг народа» [3, л. 6].

Основная антирелигиозная работа должна была проводиться первичными и районными организациями. Проверка на местах показала, что: «На протяжении ряда лет, районные советы Союза Воинствующих безбожников в большинстве районов отсутствовали. Они существовали только в тех районах, где были платные работники, как Гомель, Могилев, Витебск, Полоцк, Мозырь. Вся работа районных советов заключалась в проведении а/р. кампаний. Если до 1937 года некоторые из них существовали, то с 1937 г. они совершенно перестали существовать, так как на содержание платных единиц в 1937 г. средств по бюджету не дали.

В большинстве районных оргбюро СВБ каждый год создавались вновь и только в результате приезда инструкторов ЦС или в результате резкого проявления

контрреволюционной деятельности церковников и сектантов. Районные комитеты партии не проверяли свои решения в области антирелигиозной пропаганды, в результате чего выделенные Оргбюро разваливались. За 1937 г. РК КПБ прислали выписки с составом Оргбюро только из 30 районов. Остальные районы, несмотря на просьбы ЦС этих сведений не дали, что затрудняет связь и инструктаж со стороны ЦС. По данным, имеющимся в УС, Оргбюро СВБ имеется в 70 районах и оформленных райсоветов СВБ -6. Из этого количества организаций связь с ЦС СВБ имеют только 38 районов. Большинство организаций СВБ в стадии организационного оформления» [4, л.387]. И это констатировалось после речи И. Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКБ(б) и нескольких постановлений ЦК КП(б) Б.

РК КП(б)Б Ушачского района докладывал в Минск: «В период 1935-36 г. антирелигиозная пропаганда была совершенно заброшена, не существовало ни одного кружка и ячейки СВБ, даже не существовал райсовет СВБ» [2, л. 35].

Похожая ситуация имела место и в соседних районах: «В Быховском районе ячейки СВБ развалены, не существует. Райсоветом СВБ ни докладов, ни бесед на антирелигиозные темы не проводилось, антирелигиозной литературы в район не завозилось, даже районная библиотека не выписывает журнал «Безбожник». В Климовичском районе зам. Директора ректзавода, член партии т. Куренин считает, что организация ячеек СВБ и проведение антирелигиозной работы вообще ненужное дело, а пред. Сельсовета т. Безлюдов вместо организации повседневной антирелигиозной работы в массах ограничился посылкой членов совета для сбора подписей за закрытие церкви без всякой предварительной массовой разъяснительной работы среди населения» [2, л. 37]. Многими руководителями районного и городского уровня факт наличия или отсутствия богослужебных помещений говорил об успехе атеистического перевоспитания. Нет храма значит и верующих нет. Икону спрятал – значит атеист. Вышел на праздник под угрозой серьезных санкций значит на работу – безбожник. Это абсолютно не соответствовало действительности, но существующая бюрократическая и репрессивная машина вполне принимала подобную отчетность и прятала от общественности истинное состояние дел.

Не «бросалась» на системную антирелигиозную работу и партия большевиков: «Со стороны районных комитетов партии в большинстве случаев никакой глубокой работы по развертыванию антирелигиозной пропаганды не ведется. Как правило, райкомы партии заявляют, что у них нет подготовленных кадров для ведения этой работы и на это успокаиваются. Тогда, как на самом деле существует еще пренебрежительное отношение к вопросам антирелигиозной работы. Как факт, на конференции воинствующих безбожников в Шиловском районе не было в числе делегатов конференции ни одного делегата из членов партии. На проводимые отделом партпропаганды ЦК курсы агитаторов, большинство райкомов прислали людей совершенно не подготовленных и непригодных даже после курсов вести какую-либо антирелигиозную пропаганду. В самом Минске ни один райком и ни горком совершенно не занимаются вопросами антирелигиозной работы» [2, л. 37]. А именно партийные структуры и должны были выступать организаторами антирелигиозной работы. Мы же видим, что атеистическое перевоспитание населения находилось на периферии основных усилий местных структур партии. Контроль и непосредственная организация мероприятий носили формальный характер [5, л. 58].

Основные вспомогательные функции по коммунистическому воспитанию лежали на общественных организациях. К середине 1930-х гг. развалилась организация юных пионеров-безбожников. Профсоюзы заняли отведенную им партией нишу по имитации борьбы за права трудящихся, а комсомол, выдвинутый на передовые позиции в социально-экономическом секторе, не удовлетворительно решал и свои внутрисоюзные задачи. Неудивительно, что «общественники» также не тяготели к несвойственной их основному виду деятельности работе: «Комсомол, профсоюзные, советские и другие организации не уделяют никакого внимания вопросу антирелигиозной пропаганды. При проверке

некоторых центральных правлений союзов, как лесопиления, торфяников, зерновых совхозов и свиновхозов в данных союзах эта работа даже в планах работы не предусмотрена. ЦК ЛКСМБ и районные комитеты комсомола ничего не делают по развертыванию антирелигиозной работы среди молодежи и детей» [2, л. 37].

Чуть ли не единственными способами антирелигиозной работы было противоречащее даже советскому законодательству закрытие храмов и «изъятие» священнослужителей и активных прихожан. В БССР их к 1936 г. функционировало 10.9 % приходов от дореволюционной численности, хотя по СССР насчитывалось 28.8 %, по РСФСР – 35.6 % и только УССР с 9% опережала нашу республику [6, л. 81]. Основная масса поступающих в Постоянную комиссию по вопросам культов при Президиуме Верховного Совета СССР жалоб была на незаконное закрытие храмов. Из БССР только в 1935 г. было 152 ходока в Москву. По подсчетам данной комиссии незаконно было закрыто 32 % [7, л. 96]. Из законно закрытых не использовалось никем 22 %. Здания ветшали и разрушались. «Законно» в данном случае считается, что была соблюдена процедура, при этом в абсолютном большинстве случаев принятые «по просьбам трудящихся» решения не учитывали мнение верующих граждан. Абсолютно невероятно, что бы жители села Бродецкое Березинского района были согласны с закрытием своего храма, когда ближайший сохранившийся располагался на расстоянии 70 км, а в Витебске после ликвидации последней из десяти церквей на расстоянии 50 км. Если не удавалось прервать богослужения законодательно допустимым путем, то местные власти шли на различные ухищрения. В частности, в сельхоз предприятиях остро стоял вопрос хранения зерна, особенно во время жатвы. Верующие давали согласие на временное непрофильное использование помещения церкви под зерносклад. В данный период они не пользовались зданием, но установленные платежи за него взыскивались. После использования церкви возвращались «верующим в испорченном виде, культовое имущество обычно ломается и расхищается» [6, л. 97]. Очень часто за закрытие храма подписи собирались практически мошенническим путем как, например, Любонической церкви Кировского района в 1935 г. Незаконно изъятое для хозяйственных нужд помещение церкви было испоганено, имущество разворовано, а вместо агитационно-пропагандисткой работы против инициированного церковной пятеркой сбора подписей за открытие храма «Любоническая сельская парторганизация, в течение 2-х лет не проводившая никакой антирелигиозной работы, начала собирать подписи о закрытии церкви, причем в этих списках фигурируют дети от 8-ми лет и выше» [8, л. 14]. В соседней школе в д. Сергеевичи директор школы сам расписывался за нежелающих это сделать первоклассников. «Учеников 4-го класса, с целью добиться их подписей, Желобкович после окончания занятий в 13ч. 30м. задержал и отпускал их только после того, как они соглашались на включение их в список. 19 человек учеников, которые не соглашались дать свои подписи, Желобкович задержал до 19 часов», – докладывал в ЦК КП(б)Б подобных ненормальностях народный комиссар внутренних дел БССР Берман в апреле 1937 г. [8, л. 15]. Прокуратурой также фиксировались массовые нарушения действующего законодательства при закрытии храмов и организации антирелигиозных мероприятий. Религиозность населения была высокой. Тайные богослужения организовывались в домах и квартирах верующих. Большинство клириков уже прошли лагеря, а претерпевшие до конца уже не могли быть сломлены, но их контакты были существенно ограничены. Большевикам необходимо было работать с сомневающимися. Их можно было перестроить на атеистический лад и этого было бы для успешной работы достаточно. Общество уже поддерживало социально-экономические преобразования. Костяк советского общества был сформирован. Верующий человек не являлся врагом социалистического государства. Однако «недостатки» в антирелигиозной работе «поправили» стандартным образом. НКВД рапортовало в ЦК КП(б) Б: «В 1937 и 1938 гг. Органы НКВД БССР нанесли значительный оперативный удар по организованному антисоветскому подполью церковников и сектантов и по церковно-сектантскому активу. За

этот период, арестовано и осуждено 3247 церковников и сектантов, из них свыше 400 человек попов и монахов, 1 митрополит и 5 архиепископов» [9, л. 57].

Таким образом, обзор документов государственных и партийных структур красноречиво указывают на уровень организации антирелигиозной работы в БССР. Фактически система выстроена не была. Отсутствовал единый орган управления как в центре, так и на местах. Оценка состояния работы ошибочно сводилась к ограничению организационных возможностей религиозных структур. Между тем главная задача – распространение материалистического мировоззрения – выпала из поля зрения ответственных работников. Если производственные показатели являлись визуально доступными, то было желание и религиозность человека определять по наличию нательных крестов, икон в домах, публичном исполнении обрядов, что в условиях тотального административного давления было абсолютно ошибочно. По объективным причинам сил у безбожников тогда хватало только на изъятия храмов, оскорбления религии и ее носителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. – 10990.
2. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 11852.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5405. – Оп. 1. – Д. 107.
4. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 12082.
5. Янушевич, И. И. Состояние антирелигиозной информационно-разъяснительной работы партийно-государственных структур в БССР в 1937–1941 гг. / И. И. Янушевич. Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. 2015. №1. С. 52–58.
6. ГА РФ. Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 32.
7. ГА РФ. Ф. 5263. – Оп. 1. – Д. 46.
8. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 12035.
9. НА РБ. Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 13219.